DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-4
JEL Classification: R50, R12

Эффективность пространственного развития территории как индикатор оценки деятельности региональной власти: кейс Челябинской области

Д.С. Бенц[1]
[1] Челябинский государственный университет, г. Челябинск, РФ

Аннотация. Необходимость эффективного освоения и использования пространства – ключевая задача, поставленная в документах стратегического планирования РФ. Миграция ресурсов из периферии в центры, а также снижающиеся способности регионов воспроизводить качественный человеческий потенциал ставят под сомнение возможность достижения целей эффективного пространственного развития. Ситуация усугубляется крайне низкой маневренностью регионов в сфере принятия решений ввиду того, что политика «центра» диктует каждый ход региональных властей. Исследование направлено на систематизацию научных и нормативно-правовых материалов в области пространственного развития. Одной из задач является разработка методики оценки эффективности деятельности региональных властей, которая должна отвечать следующим требованиям: 1) быть прозрачной и не включать индикаторы, изменить которые губернаторы практически не в силах; 2) быть комплексной, ориентированной на цели не только социально-экономического, но и пространственного развития региона. Методологической основой работы выступили теории пространственного развития, в том числе теории кумулятивного роста; методической базой – методы статистического сравнения, динамический и корреляционный анализ. В качестве материалов использовались нормативные правовые акты, документы стратегического планирования, статистические данные, рейтинги социально-экономического положения регионов и рейтинги эффективности управления в субъектах РФ. Раскрыты тенденции развития экономического пространства Челябинской области. Показано позиционирование этого региона в системе отношений «центр – периферия» и его отставание от Свердловской области в сферах экономического развития (в частности, отставание уровня ВРП на душу населения как от Свердловской области, так и от среднероссийского уровня), финансового благополучия (несмотря на высокое значение запаса финансовой прочности населения, уровень доходов населения в Челябинской области в 1,5 раза ниже аналогичного значения в Свердловской области), состояния человеческого капитала (как в статике по состоянию на конец 2019 г., так и в динамике начиная с 2010 г. Челябинская область демонстрирует более негативные значения в отношении численности студентов, аспирантов, докторантов, исследователей с учеными степенями и т. д.). Автором поднят вопрос о постепенном включении индикаторов пространственного развития в перечень существующих показателей оценки региональной власти.

Ключевые слова: эффективность управления регионом; региональная власть; пространственное развитие; социально-экономическое развитие; Челябинская область; Свердловская область; центр – периферия.

Дата поступления статьи: 10 октября 2021 г.

Ссылка для цитирования: Бенц Д.С. (2021). Эффективность пространственного развития территории как индикатор оценки деятельности региональной власти: кейс Челябинской области // Управленец. Т. 12, №6. С. 49–66. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-4.

The effectiveness of a territory's spatial development as an indicator of regional authorities performance: The case of Chelyabinsk oblast

Darya S. Bents[1]
[1] Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The need for effective development and use of space is a key task posed in the strategic planning documents of the Russian Federation. The "periphery–center" migration of resources and a declining ability of regions to reproduce high-quality human potential question the possibility of achieving the goals of effective spatial development. The added complication is that regions are extremely rigid when it comes to decision-making, since the policy of the "center" dictates every move of regional authorities. The article systematizes research and regulatory materials in the field of spatial development. It aims to formulate a methodology for assessing the performance of regional authorities, which should meet the following requirements: (i) be transparent and do not include indicators that governors are practically unable to change, and (ii) be integrated and focused on not only the socio-economic, but also spatial development of the region. The methodological basis of the research includes the theories of spatial development, including cumulative growth theories. The methods of statistical comparison, dynamics analysis and correlation analysis are applied. The information base covers legal acts; strategic planning documents; Rosstat statistical data; socio-economic rankings of regions, and management effectiveness rankings of the RF constituent entities. The study reveals the development trends in Chelyabinsk oblast's economic space. It positions the region in the "center – periphery" system and shows

its underperformance in comparison with Sverdlovsk oblast in the sphere of economic development (the level of GRP per capita is lagging behind the indicators of Sverdlovsk oblast and the national average), financial well-being (despite a high margin of financial strength, the income of Chelyabinsk region's population is 1.5 times lower than in Sverdlovsk oblast), human capital (both in statics as of the end of 2019 and in dynamics since 2010, Chelyabinsk oblast demonstrates more negative results in relation to the number of students, postgraduate students, doctoral students, researchers with scientific degrees, etc.). The author raises the question about the gradual inclusion of spatial development indicators in the list of the existing indicators for assessing regional authorities performance.

Keywords: regional management effectiveness; regional authorities; spatial development; socio-economic development; Chelyabinsk oblast; Sverdlovsk oblast; center – periphery.

Paper submitted: October 10, 2021

For citation: Bents D.S. (2021). The effectiveness of a territory's spatial development as an indicator of the regional authorities performance: The case of Chelyabinsk oblast. *Upravlenets – The Manager*, vol. 12, no. 6, pp. 49–66. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-6-4.

ВВЕДЕНИЕ

Российская нормативно-правовая база изобилует огромным числом нормативных правовых актов, в которых нередко встречаются взаимоисключающие положения. Некоторые документы не учитывают назревших вопросов стратегического планирования и порой находятся в противоречии с устоявшимися концептуальными положениями теорий регионального и пространственного развития. Экономическое пространство России крайне неоднородно. Еще А.Г. Гранберг дал понять, что нельзя нашу страну изучать как «монообъект» [Гранберг, 2004, с. 17]. Экономику России ученый назвал многорегиональным организмом, который функционирует как по вертикали – в отношениях «центр – регионы», так и по горизонтали – в межрегиональных отношениях, и в связи с этим заявил о необходимости гармонизации национальной целостности и регионального многообразия.

Уже в 1990-е гг. усилились процессы межрегиональной дифференциации. Если исследовать каждый отдельный регион, то налицо высокая неоднородность. Для России характерны процессы углубления не только межрегиональной, но и внутрирегиональной дифференциации. Ответ на «большие вызовы», о которых говорит Стратегия научно-технологического развития РФ[1], возможен в том числе путем эффективного освоения и использования пространства. Поэтому и назрела необходимость формирования Стратегии пространственного развития, которая была утверждена в 2019 г.[2] Задачи пространственного развития, поставленные еще до принятия стратегии, требуют создания эффективного механизма их решения, но такового, по сути, до сих пор нет.

К сожалению, само наличие стратегии не решает частнорегиональных проблем. Так, например, в этом документе заявлено о необходимости развития центров экономического роста и реализации конкурентных преимуществ через ускоренное развитие эффективных экономических специализаций, но не указано, что делать с моногородами, которых достаточно много (например, на территории Челябинской области – 16). На долю монопрофильных городов приходится треть валового регионального продукта, при этом уровень жизни их населения на порядок отстает от центра. Если считать драйвером роста для указанной области монопрофильные города с их промышленностью, то можно смело заявлять о рисках ослабления этой «старой» тенденции, так как отток кадров из таких городов катастрофичен. В Стратегии социально-экономического развития Челябинской области[3] заявляется о формировании вокруг моногородов полицентрической агломерации, но не отмечено, какие механизмы, кроме усиления транспортной инфраструктуры, способствуют решению этой задачи.

Цель исследования – систематизация материалов научного и законодательного характера в области пространственного развития, поиск противоречий между законодательными документами и устоявшимися концепциями регионального и пространственного развития.

Задачи исследования:

- раскрыть тенденции развития экономического пространства Челябинской области;
- провести сравнительный анализ утвержденных в текущем году показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и показателей, утративших силу;

[1] Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642. http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010007.pdf.

[2] Стратегия пространственного развития до 2025 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р. https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html.

[3] Стратегия социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 года (с изменениями на 26 августа 2021 года): постановление Законодательного собрания Челябинской области от 31.012019 № 1748. https://docs.cntd.ru/document/553133071

• расширить перечень указанных показателей, предложить некоторые частные оценочные показатели, ориентированные на эффективность пространственного развития;

• выполнить количественную оценку предложенных показателей для Челябинской области.

Объект исследования – эффективность пространственного развития Челябинской области как отдельный аспект оценки деятельности региональной власти.

Согласно рабочей гипотезе исследования, эффективность пространственного развития в немалой степени предопределяется накопленными в течение длительного периода потенциалами территории. Ввиду этого обстоятельства невозможно в краткие сроки изменить вектор пространственного развития и достичь существенного снижения как межрегиональной, так и внутрирегиональной дифференциации. Автор предлагает использовать категорию социально-экономического иммунитета, понимаемого как совокупность потенциалов территории (природного, демографического, трудового, производственного, инвестиционного, инновационного, интеллектуального, инфраструктурного, потенциала благополучия и пр.), обеспечивающих ее выживаемость, формируемую за счет длительного накопления резервов. Этот иммунитет является результатом не только целенаправленных действий агентов территории (предприятий, населения, власти), но и стихийного пополнения ресурсов, в том числе благодаря деятельности природы [Бенц, 2021, с.122]. Тем не менее добиться пусть небольших, но улучшений в отношении некоторых потенциалов даже в короткие сроки (сроки присутствия у власти губернатора) все же можно. Значит, необходимо внедрять показатели оценки эффективности пространственного развития в перечень индикаторов эффективности деятельности региональной власти.

НОВОЕ В ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

В текущем году Указом Президента РФ от 04.02.2021 № 68 был утвержден Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ[1], который включает расширенный набор показателей в сравнении с ранее действовавшим[2]. В табл. 1 приведены результаты сопоставления указанных перечней.

Показатели, обозначенные в табл. 1 под номерами 1–7, включены в оба перечня и своей идейной направленности не изменили. В некоторых случаях была несколько скорректирована методика

[1] https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5JRqurWJ/ukaz-68_2021.pdf.1

[2] Ранее действовал Перечень, утвержденный Указом Президента РФ от 25.04.2019 № 194 (https://mef.mosreg.ru/dokumenty/socialno-ekonomicheskoe-razvitie/ocenka-effektivnosti-deyatelnosti1/ocenka-effektivnosti-deyatelnosti-organov-ispolnitelnoi-vlasti/24-09-2019-12-24-03-otsenka-effektivnosti-deyatelnosti-organov-ispolni).

Таблица 1 – Сравнительный анализ предыдущего и действующего перечня показателей оценки эффективности региональной власти

Table 1 – Comparative analysis of the previous and current list of indicators for assessing the regional authorities performance

№	Показатель в соответствии с Указом Президента РФ		Комментарий
	от 25.04.2019 № 193	от 04.02.2021 № 68	
1	Уровень доверия к власти (Президенту РФ, высшим должностным лицам субъектов РФ)	Доверие к власти (Президенту РФ, высшим должностным лицам субъектов РФ), уровень которого определяется в том числе посредством оценки общественного мнения в отношении достижения в субъектах РФ национальных целей развития РФ	Показатель сохранился
2	Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей	Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых	Показатель сохранился. С учетом появления категории «самозанятые» он приобщен к оценке
3	Уровень бедности	Уровень бедности	Показатель сохранился
4	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	
5	Количество семей, улучшивших жилищные условия	Количество семей, улучшивших жилищные условия	
6	Качество окружающей среды	Качество окружающей среды	
7	Уровень образования	Уровень образования	

Окончание табл. 1
Table 1 (concluded)

№	Показатель в соответствии с Указом Президента РФ		Комментарий
	от 25.04.2019 № 193	от 04.02.2021 № 68	
8	Доля городов с благоприятной городской средой	Качество городской среды	Акцент смещен на динамику. Введен показатель «прирост качества городской среды»
9	Уровень доступности жилья	Объем жилищного строительства	Ранее показатель рассчитывался на базе минимального прогнозного дохода населения, процентной ставки по ипотечному кредитованию и прогнозной стоимости квадратного метра жилья. В новом документе учитываются объемы ввода жилья
10	Естественный прирост населения	Численность населения субъекта РФ	Новый документ учитывает среднегодовую численность населения. Прежний был ориентирован на разность родившихся и умерших
11	Доля соответствующих нормативным требованиям автомобильных дорог регионального значения и автомобильных дорог в городских агломерациях с учетом загруженности	Доля дорожной сети в крупнейших городских агломерациях, соответствующих нормативам	Показатель упростили. Теперь нет учета загруженности дорог. Оценивается соотношение дорог федерального, регионального, межмуниципального, местного значения, находящихся в нормативном состоянии, к общей величине дорог
12	Уровень реальной среднемесячной заработной платы	Темп роста (индекс роста) реальной среднемесячной заработной платы	Акцент смещен на динамику
13	Объем инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета	Темп роста (индекс роста) объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета	
14	Количество высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе экономики	–	Показатель исключен
15	Производительность труда в базовых несырьевых отраслях экономики	–	
16	–	Темп роста (индекс роста) реального среднедушевого денежного дохода населения	Новый показатель
17	–	Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом	
18	–	Эффективность системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи	
19	–	Доля граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью	
20	–	Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности	
21	–	Число посещений культурных мероприятий	
22	–	«Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений	

Примечание. Номер показателя в таблице не соответствует его порядковому номеру в соответствующем документе.

оценки[1]. Ряд показателей демонстрирует смещение акцента из области статики в область динамики. Теперь оценка проводится не по уровню реальной среднемесячной заработной платы или объему инвестиций, а по темпам их роста, что вполне обоснованно. Оценка уровня финансовой обеспеченности населения дополнена показателем индекса роста реальных среднедушевых денежных доходов населения. Показатели в отношении оценки производительности труда, несмотря на существование национального проекта «Производительность труда», упразднены. Новые показатели, включенные в перечень, свидетельствуют о переориентации с экономической на социальную сферу.

[1] Подробнее см.: Методика в соответствии с Указом Президента РФ № 68 утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 03.04.2021 № 542 (http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104130046); Методика в соответствии с Указом Президента РФ № 193 утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 17.07.2019 № 915 (https://docs.cntd.ru/document/560760968).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Пространственное развитие – проблема, которой не одно десятилетие уделяют внимание как зарубежные, так и российские ученые. А.Г. Гранберг говорил о признании мировым научным сообществом «пространственной науки» как особого междисциплинарного направления еще во второй половине XX в. Он указал на интеллектуальные и организационные усилия У. Айзарда [Гранберг, 2009, с. 169], который провел параллель между экономическими законами и законами физики и химии, сравнив силы, благодаря которым развиваются регионы, с силами гравитации [Isard, 1999]. Сегодня вопросами пространственного развития занимаются многие научные школы и институты (табл. 2).

Таблица 2 – Научные школы, исследующие проблему пространственного развития
Table 2 – Research institutions examining the problem of spatial development

№	Ведущие исследователи	Организация	Город, страна	Источники
Мировые научные школы				
1	George H. Borts	Брауновский университет (Brown University)	Провиденс, Соединенные Штаты	[Borts, Stein, 1964]
2	Xavier X. Sala-I-Martin	Колумбийский университет (Columbia University)	Нью-Йорк, Соединенные Штаты	[Barro, Sala-i-Martin, 1997]
3	R. Barro	Гарвардский университет (Harvard University)	Кембридж, Соединенные Штаты	[Barro, Sala-i-Martin, 1997]
4	Simon Kuznets			[Kuznets, 1955]
5	N. Gregory Mankiw			[Mankiw, Romer, Weil, 1992]
6	Jeffrey G. Williamson	Факультет искусств и наук Гарвардского университета (Harvard Faculty of Arts and Sciences)		[Williamson, 1965]
7	Robert M. Solow	Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology)		[Solow, 1956]
8	Paul R. Krugman	Принстонский университет (Princeton School of Public and International Affairs)	Принстон, Соединенные Штаты	[Krugman, 1991]
9	Daniel J. Berkowitz	Мичиганский университет (University of Michigan)	Мичиган, Соединенные Штаты	[Berkowitz, DeJong, 2002, 2003, 2005]
10	John E. Jackson			[Berkowitz, Jackson, 2006]
11	David de Jong	Университет Сан-Паулу (Univ Sao Paulo)	Сан-Паулу, Бразилия	[Berkowitz, DeJong, 2002, 2003, 2005]
12	Rüdiger Ahrend	Организация экономического сотрудничества и развития (L'Organisation de Coopération et de Développement Economiques)	Париж, Франция	[Ahrend,2008]
13	Carluer Frédéric	Университет Кан-Нормандия (Université de Caen Normandie)	Кан, Франция	[Carluer, Sharipova, 2004]
14	Gunnar Myrdal	Стокгольмский институт исследования проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute)	Стокгольм, Швеция	[Myrdal, 1957]
Российские научные школы				
15	А.Г. Гранберг (и его школа)	Всероссийская академия внешней торговли	Москва	[Гранберг, 2004, 2009]
16	Н.В. Зубаревич	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова		[Зубаревич, 2017, 2019, 2020, 2021]

Окончание табл. 2
Table 2 (concluded)

№	Ведущие исследователи	Организация	Город, страна	Источники
17	Н.Н. Михеева	Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН	Москва	[Михеева, 1999]
18	Г.Ю. Гагарина	Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова		[Гагарина, 2017]
19	А.А. Нещадин	Финансовый университет при Правительстве РФ		[Нещадин, Прилепин, 2010]
21	В.В. Окрепилов	Институт проблем региональной экономики РАН	Санкт-Петербург	[Окрепилов, Кузнецов, Лачининский, 2020]
21	С.В. Кузнецов			
22	А.А. Акаев	Санкт-Петербургский государственный экономический университет		[Акаев, 2016]
23	В.А. Крюков	Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН	Новосибирск	[Коломак и др., 2018; Крюков, Коломак; 2021]
24	Е.А. Коломак			[Коломак и др., 2018; Коломак, 2019; Крюков, Коломак, 2021]
25	В.В. Кулешов			[Кулешов, Селиверстов, 2017]
26	В.И. Суслов			[Коломак и др., 2018]
27	В.Е. Селиверстов			[Кулешов, Селиверстов, 2017; Коломак и др., 2018]
28	П.А. Минакир	Институт экономических исследований ДВО РАН	Хабаровск	[Минакир, 2016, 2018]
29	А.И. Татаркин (и его школа)	Институт экономики УрО РАН	Екатеринбург	[Татаркин, 2013]
30	Е.Г. Анимица	Уральский государственный экономический университет		[Анимица, Власова, 2021]
31	Н.Ю. Власова			

Составлено с использованием следующих ресурсов: Scopus. Expertly curated abstract & citation database; Web of Science. Clarivate Analytics; РИНЦ.

Концепцию «центр – периферия» в 1966 г. сформировал Дж. Фридманн. Все теории экономического роста оформились в виде следующих направлений: неоклассическое направление, теории кумулятивного роста, теории регионального развития и пр. Согласно теории кумулятивного роста, ресурсы (человеческие, финансовые, технологические) стекаются в некий «центр». Периферия же с ее слабым уровнем развития снабжает центр ресурсами и одновременно выступает потребителем инноваций, так как для самой периферии характерны медленные темпы модернизации экономики [Friedmann, 1966]. Но не все периферии являются слабыми – существуют и «полупериферии». Эти территории имеют большие силы и могут даже перехватить позиции лидера, особенно если расположены близко к «центру».

Неоклассические концепции экономического роста не только породили производственную функцию, но и нашли применение в области регионального роста. Экономический рост не только фирмы является результатом производственного потенциала, совокупности неких факторов. Необходимым условием роста и развития территорий становится и их ресурсообеспеченность [Solow, 1956; Swan, 1956; Borts, Stein, 1964; Sibert, 1969; Mankiw, Romer, Weil, 1992; Barro, Sala-i-Martin, 1997; Hall, Jones, 1999]. Такое явление, как конвергенция, появилось на основе модели Солоу – Свона. Конвергенция – это процесс сходимости разных экономик к единой траектории развития. Согласно модели σ-конвергенции, показатели развития регионов сближаются, размах сокращается. Модель β-конвергенции говорит о том, что слабые регионы способны опередить темпы роста сильных регионов. Относительно σ-конвергенции в экономической литературе можно найти исследования, как доказавшие [Carluer, Sharipova, 2004], так и опровергшие [Михеева, 1999] это явление.

К кумулятивным теориям относятся и теории Г. Мюрдаля [1957] и А. Хиршмана [1958]. Г. Мюрдаль показал, что успешная специализация и положительный эффект масштаба, будучи изначально даже небольшими преимуществами, могут впоследствии дать сильный толчок развитию страны, так что с течением времени темпы роста начнут ускоряться и существен-

но опережать темпы роста тех стран (территорий), что изначально не имели таких преимуществ. О несбалансированном росте говорил и А. Хиршман.

Межрегиональную дифференциацию с ее параболической зависимостью от уровня развития территории исследовал Дж. Г. Уильямсон [1965]. Диспропорции быстро растут на ранних стадиях, далее же они нивелируются. Примерно к тем же выводам пришел и С. Кузнец [1955].

Факторам регионального роста посвящена концепция новой экономической географии П. Кругмана. Процессы концентрации объясняют неравенства регионов. Факторы, которые предопределяют территориальное развитие, ученый разделил на факторы «первой природы» и «второй природы» [Krugman, 1991]. Не зависящие от воли человека географию региона, природные ресурсы он отнес к первой группе, а агломерационный эффект, возникающий благодаря эффекту экономии от масштаба, и человеческие ресурсы – ко второй. Институциональная среда тоже формируется факторами «второй природы».

Принятая в России Стратегия пространственного развития на период до 2025 года подверглась серьезной критике [Минакир, 2016, 2018; Зубаревич, 2019; Окрепилов, Кузнецов, Лачининский, 2020; Коломак, Крюков, 2021]. В центре внимания в этом документе находится сокращение межрегиональных диспропорций, тогда как о внутрирегиональных диспропорциях не сказано ни слова [Зубаревич, 2019]. Н.В. Зубаревич подчеркивает, что регионам нужны эффективные институты, которые стали бы двигателем экономического роста. Федерализм в России всегда был в приоритете перед регионализмом, а выравнивающая политика – перед стимулирующей. Вместе с тем именно выравнивающая политика катастрофически опустошает национальный бюджет [Зубаревич, 2017]. Выравнивающая политика должна сбалансированно сочетаться с мерами поддержки конкурентных преимуществ регионов. Пандемия показала еще больший рост централизации управления. В наибольшей степени от пандемии пострадали относительно развитые регионы, и именно в них была направлена наиболее существенная помощь из центра. Регионы в таких условиях не могут быть маневренными в отношении расходования ресурсов [Зубаревич, 2021].

Говоря о динамике межрегионального неравенства, изучая процессы миграции ресурсов из периферии в центр, с востока на запад и из регионов добывающей специализации в регионы обрабатывающей направленности, Е.А. Коломак показывает, что таковые имеют место, однако темпы такой миграции не являются высокими [Коломак, 2019]. Тем не менее даже эти эволюционные процессы могут встать на пути достижения связанности территорий.

Еще на этапе формирования проекта Стратегии пространственного развития РФ П.А. Минакир указал, что методологические подходы стратегии не соответствуют современным представлениям в области пространственной экономики, а пространство понимается в этом документе как простое множество отдельных, замкнутых идеальных экономик, не связанных между собой ни иерархическими, ни кооперационными взаимосвязями. Стратегия не учитывает ни межсистемные связи, ни межрегиональные агломерационные и интеграционные эффекты, блокирует эффекты специализации [Минакир, 2016]. Критикуя окончательный проект стратегии, ученый отметил, что «полюс роста» и город с определенным объемом населения не одно и то же [Минакир, 2018].

В последние десятилетия все больше экономистов, чьи труды посвящены исследованию региональных экономик, стали заниматься проблемой пространственного развития, тем самым формируя направление развития междисциплинарной геопространственной парадигмы. Россия с ее огромными просторами и сложными межрегиональными связями попала и в поле зрения иностранных ученых, которые изучили дифференциацию доходов [Berkowitz, DeJong, 2002, 2003, 2005] и влияние малого бизнеса на межрегиональную неоднородность [Berkowitz, Jackson, 2006], а также выполнили количественную оценку региональных диспропорций с использованием сорока показателей [Ahrend, 2005, 2008].

В Челябинской области есть несколько ученых, исследующих проблемы пространственного развития. Обзор теоретических концепций городской агломерации приведен в работе В.С. Антонюк и др. [2021], обзор существующих подходов к исследованию пространственных экономических систем – в публикации И.В. Даниловой, А.В. Резепина [2021]. В.С. Антонюк, Е.Л. Корниенко, Э.Р. Вансович [2020] сосредоточили свое внимание на анализе особенностей пространственного развития производительных сил в РФ; определили степень межрегиональной дифференциации ВРП на душу населения; провели корреляционно-регрессионный анализ воздействия производительных сил на ВРП; определили позиционирование субъектов РФ в системе координат «ВРП на душу населения – стоимость основных фондов – занятость населения»; апробировали методику на 82 субъектах РФ и выявили 13 регионов, где уровень ВРП на душу населения, стоимость основных производственных фондов на душу населения и занятость оказались выше среднероссийских значений.

Характеристики «центра» и «периферии» стали объектом изучения и наших коллег – В.И. Бархатова, Ю.Ш. Капкаева, Д.А. Плетнёва [2019]. Эти исследователи указали на сближение темпов экономического роста стран с развитой и развивающейся экономикой, что является некой аналогией сближения регионов с разным уровнем развития. Регионы Уральского федерального округа отличает примерно синхронизи-

рованный экономический рост. Но дифференциация заработной платы является почти полуторакратной. В категорию «периферии» авторы отнесли Челябинскую и Курганскую области. И даже внутри периферий наблюдается высокая дифференциация заработной платы. Темпы роста инвестиций в основной капитал центра отстают от аналогичных значений периферий, которые начиная с 2018 г. показали рост.

Перечислять авторов, посвятивших свои труды проблеме пространственного развития, можно почти бесконечно. Но феномен заключается в том, что даже при таком пристальном внимании к теме и наличии уже оформившихся в школы теорий пространственного развития для России не найден ответ на вопрос, где же «прячутся» драйверы роста эффективности пространственного развития, как добиться сокращения межрегиональных и внутрирегиональных диспропорций и на чьи плечи следует возложить ответственность за достижение целей пространственного развития. Потому в данном исследовании и поставлен вопрос увязки эффективности пространственного развития с оценкой деятельности региональной власти, ведь именно высшие должностные лица субъектов РФ имеют непосредственное отношение к тому, по какому сценарию растут и развиваются регионы.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная литература изобилует исследованиями, посвященными оценке социально-экономического развития региона. Например, Н.В. Зубаревич [2020, с. 160–161] описывает три метода оценки факторов, предопределяющих социально-экономическое развитие территории. Во-первых, это оценка дифференциации регионов по уровню экономического развития и оценка изменений этой дифференциации. Автор заявляет о стабильном воздействии факторов дифференциации на региональное развитие, так как существенные различия характерны лишь для малого количества регионов. Второй метод сводится к оценке роли факторов на качественном уровне и предусматривает наличие неких «плавающих» факторов, возникающих в связи с тем, что для разных территорий набор типологических признаков будет различным. Третий метод заключается в количественной оценке факторов.

Говоря об оценке межрегиональной дифференциации, Т.П. Скуфьина, С.В. Баранов, В.П. Самарина предлагают четыре подхода [2015, с. 37–42]. Согласно первому подходу оцениваются отличия показателей регионального развития, в том числе при помощи индекса Джини, кривой Лоренца и т. п. Второй подход позволяет формировать комплексные оценки и в итоге рейтинги регионов, третий нацелен на исследование структуры межрегиональной дифференциации методом главных компонент, а четвертый базируется на корреляционно-регрессионном анализе.

Существуют исследования, посвященные оценке эффективности регионального управления [Гагарина и др., 2017; Федорова, Черникова, Мусиенко, 2019]. Их авторы предлагают расширить перечень показателей оценки эффективности деятельности региональной власти и дополнительно учесть показатели социальной и инновационной направленности [Федорова, Черникова, Мусиенко, 2019]. Но методика, утвержденная в 2021 г., уже включает расширенный набор показателей социальной сферы (см. табл. 1).

Пространственное развитие, с одной стороны, может быть оценено при помощи тех же показателей, что и развитие социально-экономическое. С другой стороны, необходим несколько иной подход – оценка должна быть нацелена на задачи пространственного развития. Идея исследования сводится к тому, чтобы расширить утвержденный перечень показателей оценки региональной власти и/или скорректировать методику оценки по утвержденному перечню и увязать оценку с целями пространственного развития.

Цель, заявляемая в Стратегии пространственного развития РФ, – «устойчивое и эффективное развитие территорий Российской Федерации, обеспечивающее развитие человеческого капитала, повышение темпов экономического роста и национальную безопасность страны». Очевиден ее сложный, комплексный характер. Одним из вызовов пространственного развития стратегия называет «наличие существенных межрегиональных различий в качестве жизни населения». И хотя при этом утверждается, что таковые сокращаются, а вот внутрирегиональные растут, тем не менее риски недостижения связанности территорий ввиду высоких межрегиональных различий велики.

На данном этапе исследования несколько упростим задачу и сконцентрируем внимание на дифференциации территорий. Соответственно, в качестве критерия эффективности пространственного развития примем сокращение дифференциации по уровню социально-экономического развития территорий, тем более что задачу сокращения различий в уровне и качестве жизни граждан как одну из приоритетных фиксирует Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года»[1].

Методологически будем опираться на концепцию кумулятивного роста, а также считать, что любой достигнутый уровень социально-экономического развития региона – это результат длительного накопления неких потенциалов.

На рис. 1 представлена методика анализа социально-экономического развития территории с учетом целей пространственного развития. Показатели, оценивающие уровень внутрирегиональных и межрегиональных различий, предлагается постепенно внедрять в перечень показателей оценки эффектив-

[1] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/.

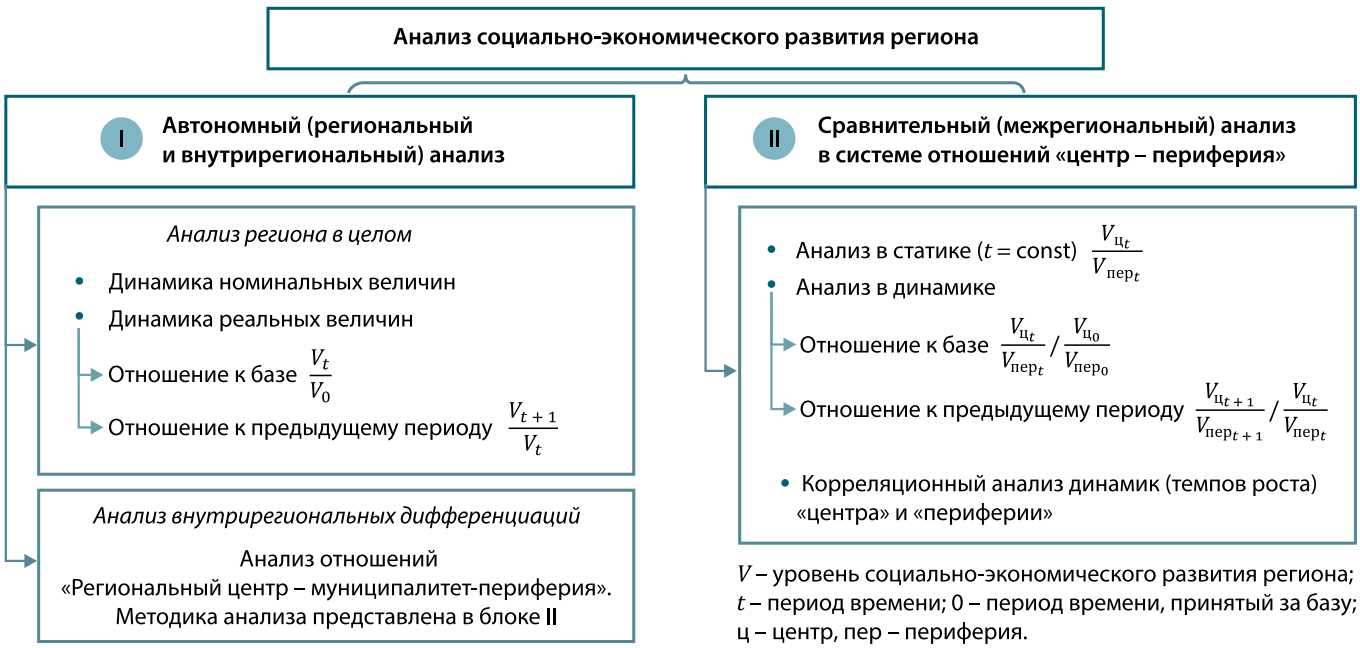

Рис. 1. Методика анализа социально-экономического развития региона с учетом целей пространственного развития

Fig. 1. Methodology for analyzing the region's socio-economic development considering the goals of spatial development

ности региональной власти. Автор исходит из того, что практически любой показатель, характеризующий социально-экономическое развитие территории, может быть оценен по предложенной методике. Таких показателей, публикуемых Росстатом, существует большое количество. Поэтому в исследовании не ставилась задача привести полный перечень показателей. Для ориентира можно взять как показатели, обозначенные в перечне, утвержденном Указом Президента РФ от 04.02.2021 № 68, так и те, что предлагает автор для оценки социально-экономического иммунитета территории [Бенц, 2021, с. 126–127].

Автономный региональный и внутрирегиональный анализ не предполагает сопоставления уровня социально-экономического развития исследуемого региона с другими регионами и базируется на учете показателей этого развития в динамике. В зависимости от целей анализ можно провести как по отношению к предыдущему периоду (например, это может быть годовой прирост), так и по отношению к периоду, принятому исследователем за базу (для оценки более долгосрочных изменений – например, за 5, 10, 15 лет).

Если речь идет о внутрирегиональной дифференциации, в поле зрения исследователя попадает «центр» как территория, являющаяся столицей региона (город) либо лидирующая по уровню социально-экономического развития. В этом случае к «периферии» относятся входящие в состав региона муниципальные районы, городские округа и т. п. При анализе межрегиональной дифференциации сначала определяется территория (регион), попадающая в категорию «центр», а остальные территории оказываются «периферией». В нашем исследовании к «центру» отнесена Свердловская область, к «периферии» – Челябинская. Отметим, что в качестве «центра» может быть взят и более отдаленный регион, не соседствующий с «периферией» и не входящий в состав того же образования (федерального округа или макрорегиона).

Корреляционный анализ позволит выявить эффекты синхронизации экономик исследуемых территорий. Данный анализ можно проводить по широкому перечню показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития территории (включая показатели в табл. 1). При этом важно учитывать специфику исследуемой территории – это как раз те самые «плавающие» факторы, о которых говорит Н.В. Зубаревич [2020]. Будем придерживаться идеи о том, что один из таких комплексных «плавающих» факторов – это социально-экономический иммунитет территории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: КЕЙС ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование не предусматривало оценку деятельности региональной власти Челябинской области – это задача комплексная и не может решаться в рамках научной публикации. Автор лишь выносит на обсуждение общественности вопрос о необходимости постепенного включения индикаторов эффективности пространственного развития в методики оценки регионального управления. Остановим свое внимание на некоторых частных показателях, которые позволят читателю сформировать картину позиционирования Челябинской области в системе отношений «центр – периферия».

Сосредоточим свое внимание на блоке II рис. 1 – покажем некоторые межрегиональные различия. Внутрирегиональным диспропорциям будут посвящены

дальнейшие исследования. Как известно, на территории как Уральского федерального округа, так и Уральского макрорегиона Свердловская область является «центром» [Бархатов, Капкаев, Плетнёв, 2019]. Соотнесем регионы, во-первых, по уровню экономического развития. Для этого воспользуемся такими показателями, как номинальный валовой региональный продукт (ВРП), темп его роста, индекс физического объема ВРП, ВРП на душу населения, темп роста последнего. Финансовое благополучие населения оценим при помощи коэффициента благополучия (введен автором ранее [Бенц, 2021, с. 128]) и покажем его динамику. И наконец, дадим оценку состояния человеческого капитала, а именно состояния исследовательских сил региона. Ведь именно воспроизводство человеческого капитала стало едва ли не ключевой причиной торможения как экономического роста в целом, так и эффективного освоения пространства в частности. Сегодня даже агломерации теряют свое население, причем речь о простой численности – даже не о воспроизводстве качества человеческого капитала. Крайне малое число городов – ядер агломерации смогли увеличить свое население [Нещадин, Прилепин, 2010].

На рис. 2 показана динамика ВРП на душу населения в 1998–2019 гг. Ввиду того, что геометрия трех графиков идентична, можно предположить, что действуют универсальные факторы, определяющие как национальный, так и региональный рост. Однако, исследуя межрегиональные различия, удобнее смотреть соотношения (рис. 3).

Если не принимать во внимание краткосрочные сокращения различий, а обратить внимание на долгосрочный тренд, то различия все же растут. Причем Челябинская область не догоняет ни Свердловскую, ни некое усредненное по стране значение.

Сравнение темпов роста номинального и реального ВРП приведено на рис. 4, 5. В целом ситуацию характеризует один и тот же вектор: там, где номинальный рост высок, высок и реальный. Однако такая ситуация складывается не всегда. Например, в 2015 г. номинально ВРП Челябинской области прирос на 22 %. Такого роста ни Свердловская область, ни среднероссийский

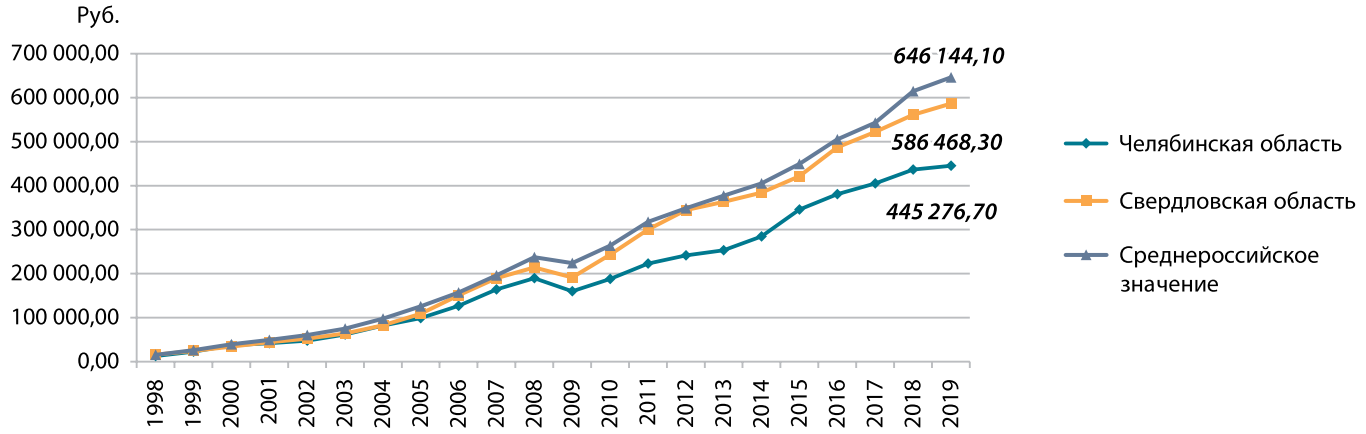

Рис. 2. Динамика ВРП на душу населения, руб.[1]

Fig. 2. Dynamics of GRP per capita, rubles

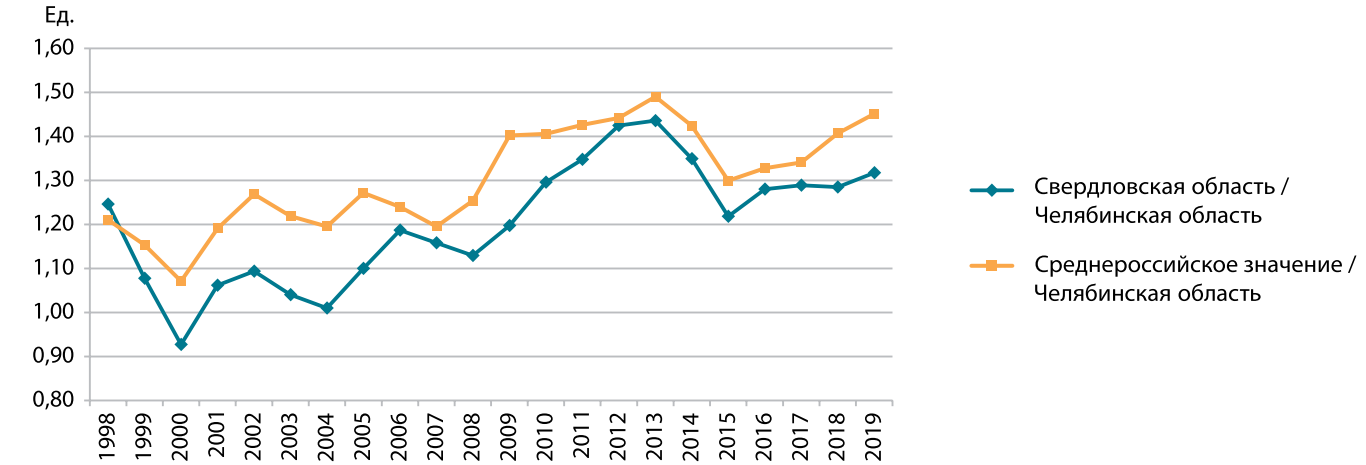

Рис. 3. Отношение значений ВРП на душу населения Свердловской области к соответствующим значениям Челябинской области, а также среднего значения среди всех российских регионов к значению Челябинской области, ед.

Fig. 3. GRP per capita ratio: Sverdlovsk oblast / Chelyabinsk oblast; the national average / Chelyabinsk oblast

[1] Рис. 2–7 составлены на основе данных Росстата.

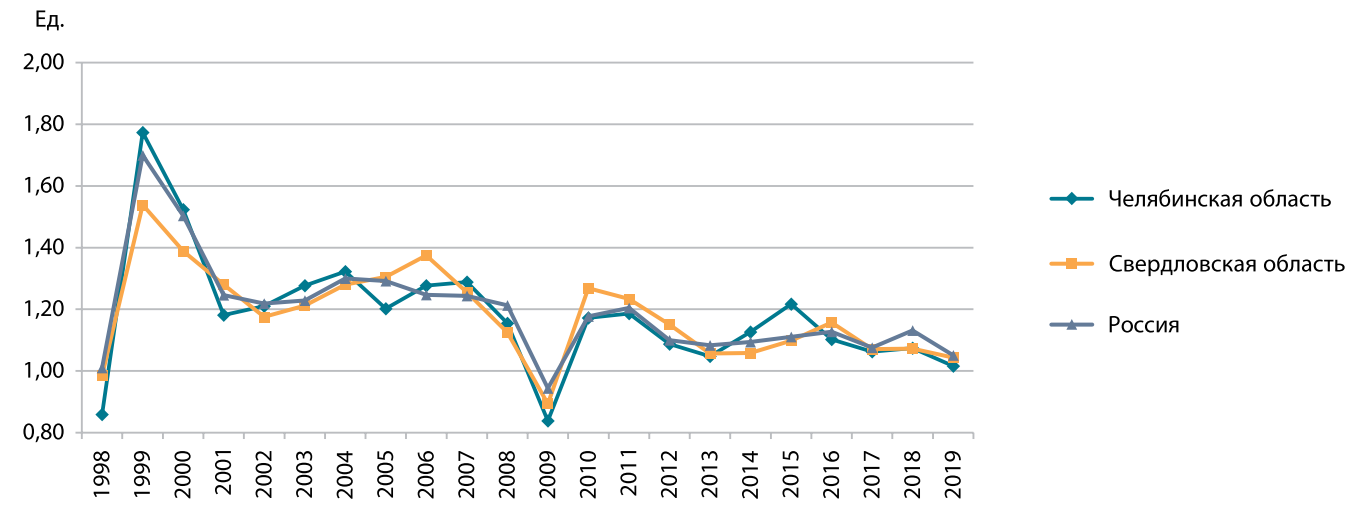

Рис. 4. Темпы роста номинального ВРП, ед.

Fig. 4. Nominal GRP growth rate, units

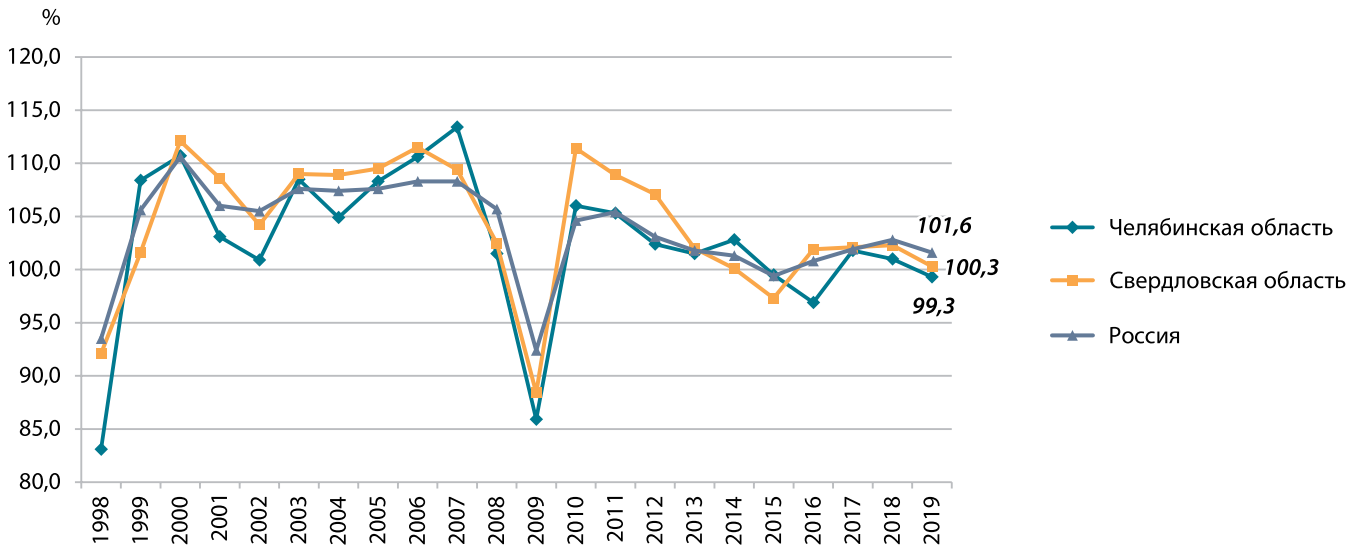

Рис. 5. Темпы роста физического объема ВРП, %

Fig. 5. Real GRP growth rate, %

регион не показали. Тем временем, как показано на рис. 5, ситуация несколько меняется. Для 2015 г. и вовсе характерно падение реальных значений, причем для всех исследуемых регионов. Челябинская область продемонстрировала значение, почти равное среднероссийскому (99,5 и 99,4 % соответственно). Иными словами, даже при наличии номинального роста реального роста не происходило, и разрыва между регионами также практически не было.

Если говорить о том, как ведут себя экономики Челябинской и Свердловской областей, то по целому ряду индикаторов отмечается синхронизация происходящих процессов [Бенц, 2020]. При оценивании коэффициентов корреляции темпов роста тесной оказывается связь между следующими индексами роста: валового регионального продукта (как в номинальном, так и реальном измерении), промышленного производства, среднедушевого денежного дохода, инвестиций в основной капитал, затрат на технологические инновации. Несколько менее существенна связь между темпами роста среднегодовой численности занятых. Самый высокий уровень асинхронности показали темпы роста стоимости основных фондов. Результаты корреляционного анализа, демонстрирующие синхронизирующий эффект экономик «центра» (Свердловской области) и «периферии» (Челябинской области), представлены в табл. 3.

Вопреки тому, что теория и многие эмпирические исследования утверждают отставание темпов роста сильных экономик от слабых, мы видим синхронизацию динамик исследуемых центра и периферии. Это и есть не что иное, как иллюстрация специфического поведения регионов. Хотя можно предположить, что здесь разделение на центр и периферию достаточно условно. Все же Челябинская область не по всем индикаторам отстает от своего более сильного соседа. В частности, по уровню запаса финансовой прочно-

Таблица 3 – Результаты корреляционного анализа
Table 3 – Correlation analysis results

Показатель	Значение коэффициента корреляции	Показатель	Значение коэффициента корреляции
Темпы роста номинального ВРП	0,86	Темпы роста инвестиций в основной капитал	0,74
Индексы физического объема ВРП	0,87	Темпы роста затрат на технологические инновации	0,88
Индексы промышленного производства	0,88	Темпы роста выбросов в окружающую среду	0,61
Темпы роста среднегодовой численности занятых	0,66	Темпы роста среднедушевых денежных доходов населения	0,95
Темпы роста стоимости основных фондов	0,48	Темпы роста потребительских расходов на душу населения	0,76

Составлено по данным Росстата, выборка – годовые значения за период 1996–2019 гг.

сти[1] она лидирует как в сравнении со Свердловской областью, так и в сравнении со среднероссийскими значениями (рис. 6).

Если говорить о доходах населения, то часто для оценки его реального финансового благосостояния исследователи обращаются к приведению номинальной величины к реальной – с учетом, например, индекса потребительских цен. Автор же предлагает коэффициент, позволяющий оперировать номинальными значениями. Важен не просто номинальный доход, а тот запас, который остается у населения за вычетом понесенных расходов. Поскольку и доходы, и расходы оцениваются в текущих ценах, проблема номинальной оценки снимается.

Предлагаемый коэффициент выглядит следующим образом:

$$k = \frac{\text{СДД} - \text{ПРД}}{\text{СДД}} 100\,\%,$$

где СДД – среднедушевые доходы населения, руб.; ПРД – потребительские расходы на душу населения, руб.; k – запас финансовой прочности населения.

Запас финансовой прочности населения показывает, какую сумму населению удается сберечь в расчете на один рубль доходов. Рассмотрим, как себя ведет предлагаемый коэффициент в Челябинской и Свердловской областях и какова его долгосрочная динамика в среднем по всем российским регионам (рис. 6).

Интересную картину мы наблюдаем, глядя на рис. 6. С одной стороны, асинхронность динамик до 2008 г., а далее практическое выравнивание векторов движения показателя. Для Свердловской области в некоторые годы характерно и вовсе отрицательное значение, что свидетельствует о превышении расходов над доходами. Негативный момент: с 2003 г. наблюдается общероссийский тренд снижения запаса финансовой прочности населения. Положительный момент: Челя-

[1] Ранее, как уже говорилось, автором был предложен коэффициент финансового благополучия [Бенц, 2021, с. 128]. В данном исследовании предлагается назвать его «запасом финансовой прочности населения». Такой термин, по мнению автора, точнее отражает природу показателя.

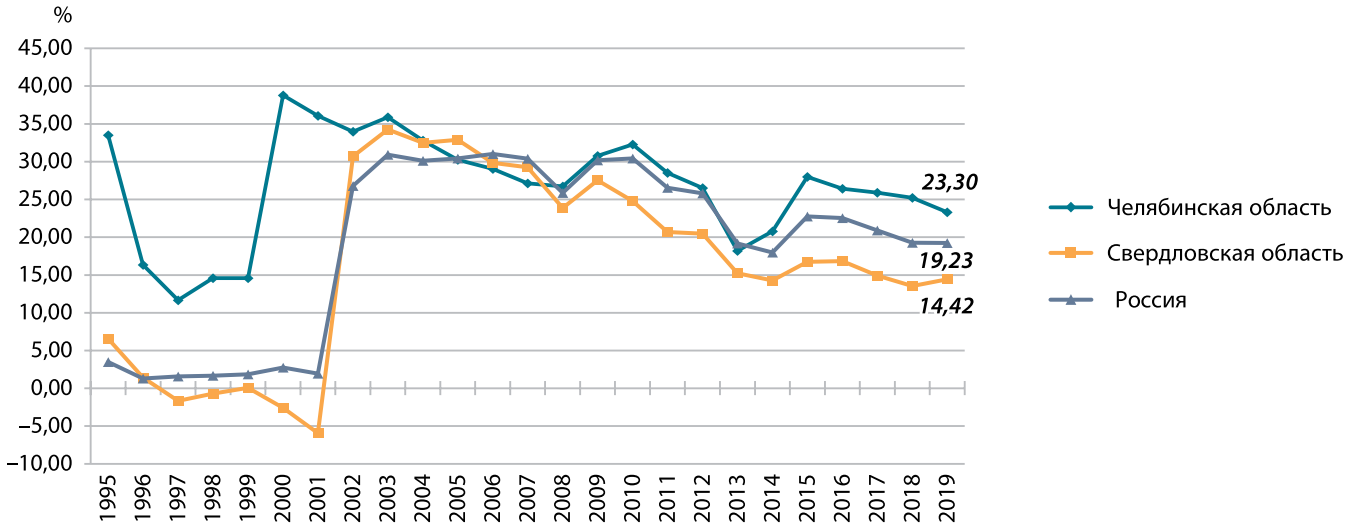

Рис. 6. Запас финансовой прочности населения, %

Fig. 6. Financial strength of the population, %

бинская область демонстрирует самое высокое значение в сравнении с «центром» и среднестатистическим российским регионом. 23,3 % полученных доходов челябинское население сохраняет и не расходует. Но если сопоставлять денежные доходы Свердловской области с аналогичным значением Челябинской области, то здесь соотношение будет 1,53. Челябинский регион на 53 % беднее. Полуторакратный разрыв не может характеризовать регион с положительной стороны. Причем разрыв этот устойчиво растет с 1999 г. (на тот момент его значение составляло 1,19).

Даже по некоторым выборочным показателям, представленным выше, можно сделать заключение об отставании Челябинской области от «центра». И, несмотря на неучтенность в методиках оценки деятельности региональной власти показателей межрегиональных различий, в целом можно констатировать связь между результатами, которые формируются рейтингами социально-экономического положения региона[1], и результатами, формируемыми рейтингами эффективности управления в субъектах РФ[2]. В обоих рейтингах Челябинская область занимает 17-е место по итогам 2019 г. Однако, что касается Свердловской области, существует большой разрыв между результатами оценки ее социально-экономического положения (номер 7 в рейтинге) и результатами оценки эффективности управления регионом (номер 49 в рейтинге).

В завершение покажем характерную для Челябинского региона ситуацию в отношении качества человеческого капитала (рис. 7). Оценку дадим при

[1] https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html.
[2] http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=5869.

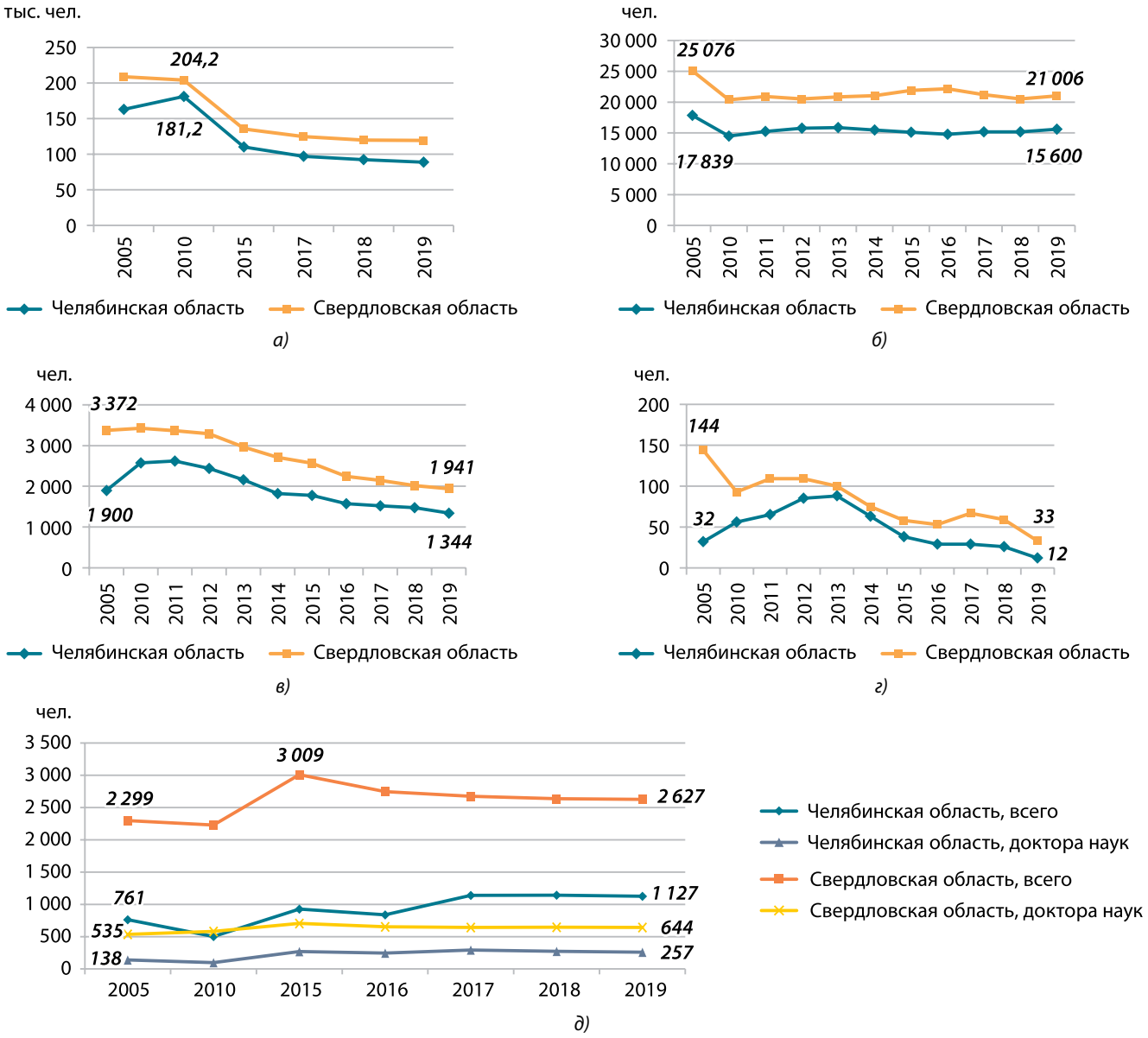

Рис. 7. Показатели, характеризующие качество человеческого капитала: численность студентов (а); персонала, занятого НИР (б); аспирантов (в); докторантов (г); исследователей с учеными степенями (д)

Fig. 7. Indicators of the human capital quality: number of students (a); R&D staff (б); postgraduate students (в); doctoral students (г); researchers with scientific degrees (д)

помощи анализа динамики показателей численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; аспирантов и докторантов; исследователей с учеными степенями; персонала, занятого научными исследованиями и разработками.

Рис. 7 демонстрирует ужасающую картину. Все показатели имеют устойчивую тенденцию к падению – в ряде случаев начиная с 2010 г., в ряде случаев – с 2015 г. Численность студентов вузов Челябинской области сократилась с 2010 г. на 51 %, Свердловской области – на 42 %. Динамика численности аспирантов и докторантов и того хуже: за 10 лет в Челябинской области число аспирантов уменьшилось почти вдвое (на 48 %), а докторантов – в пять раз (!). В Свердловской области число аспирантов снизилось на 43 %, а докторантов – на 65 %. Отставание Челябинской области от «центра» обнаруживается не только путем сопоставления динамики – оценку можно провести и в статике. По состоянию на 2019 г. число студентов вузов в Свердловской области выше в 3,37 раза, тогда как численность населения выше лишь в 1,24 раза. Число аспирантов «центра» превышает аналогичное значение Челябинской области в 3,49 раза; докторантов – в 4,33 раза; исследователей с учеными степенями – в 4,04 раза; персонала, занимающегося НИР, – в 2,88 раза.

Ситуация относительно состояния научно-исследовательского капитала такова, что «взращивать» научные кадры становится все сложнее и сложнее. Возобновление качественного человеческого капитала находится под угрозой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на множество исследований, посвященных пространственному развитию, драйверы пространственного развития промышленного региона в мировой литературе изучены слабо. Россию отличают огромные просторы, и, кроме того, на ее территории находится большое количество старопромышленных регионов. Перейти на новый технологический уклад в одночасье для таковых не представляется возможным, однако именно на промышленности держится экономика многих регионов, в частности Челябинской области.

Важным моментом научной дискуссии о драйверах пространственного развития территорий является вопрос о том, что определяет равномерность такого развития: более справедливое распределение доходов или соответствующее этим целям размещение производства. Количественный анализ исследования выявил не лучшие позиции Челябинской области в сравнении с «центром». Опять же важно понимать, что сегодняшнее состояние исследуемых регионов – это преимущественно результаты выравнивающей политики. Бюджеты как Свердловской, так и Челябинской областей на 2021 г. приняты с дефицитом (40,64 и 22,4 млрд руб. соответственно).

В какой степени сегодняшнее состояние региона может быть вменено в вину региональной власти – вопрос однозначно дискуссионный. Безусловно, нельзя взваливать на плечи региональных властей полную ответственность за достижение эффективного пространственного развития, поскольку факторы роста любого региона имеют как минимум двоякую природу – целенаправленную, реализуемую через выравнивающую политику, и рыночную, реализуемую через использование конкурентных преимуществ. Задача губернаторов – создать на территории подведомственного региона такие условия, чтобы удавалось привлечь внешние ресурсы, в том числе инвестиционные. Поэтому методика оценки эффективности деятельности высших должностных лиц исполнительной власти регионов должна соответствовать существующему законодательному полю и тем механизмам, которые созданы федеральными властями.

Тем не менее возложить на главы субъектов РФ некоторую ответственность за обеспечение эффективного пространственного развития, и главным образом внутрирегионального пространства, все же стоит, иначе идеи освоения пространства так и останутся нереализованными. Вместе с тем наряду с ответственностью важно дать региональным властям тот набор инструментов, который несколько расширит их автономию и полномочия. ■

Источники

Акаев А.А., Ичкитидзе Ю.Р., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. (2016). Постсоциалистическая трансформация стран центральной и восточной Европы на рубеже веков. Региональное развитие и экономическое неравенство // Экономика региона. Т. 12, вып. 3. С. 613–626. DOI: 10.17059/2016-3-1.

Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. (2021). Эволюция развития и исследования Екатеринбургской городской агломерации // Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования: сборник статей. Москва. С. 126–140.

Антонюк В.С., Козина М.В., Вансович Э.Р., Сигатова Н.А. (2021). Формирование и развитие городских агломераций: теоретико-методологические аспекты исследований // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». Т. 15, № 2. С. 7–19. DOI: 10.14529/em210201.

Антонюк В.С., Корниенко Е.Л., Вансович Э.Р. (2020). Закономерности пространственного развития производительных сил Российской Федерации в современных условиях // Журнал экономической теории. Т. 17, № 2. С. 314–327. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.6

Бархатов В.И., Капкаев Ю.Ш., Плетнёв Д.А. (2019). Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. № 5 (79). С. 65–82. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83.

Бенц Д.С. (2020). О синхронизации экономик Свердловской и Челябинской областей // Вестник Челябинского государственного университета. № 11 (445). Экономические науки. Вып. 71. С. 244–253. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11129.

Бенц Д.С. (2021). Оценка социально-экономического иммунитета Челябинской области // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (452). Экономические науки. Вып. 73. С. 122–131. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10614.

Гагарина Г.Ю., Дзюба Е.И., Губарев Р.В., Файзуллин Ф.С. (2017). Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов // Экономика региона. Т. 13, № 4. С. 1080–1094. DOI: 10.17059/2017-4-9.

Гранберг А.Г. (2009). О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. № 2. С. 166–178.

Гранберг А.Г. (2004). Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий // Экономическое возрождение России. № 1. С. 17.

Данилова И.В., Резепин А.В. (2021). Пространственные экономические системы: методология и теоретические подходы к исследованию // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 7-1. С. 24–32. DOI: 10.17513/vaael.1776.

Зубаревич Н.В. (2017). Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. № 2. С. 46–57.

Зубаревич Н.В. (2019). Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. № 1. С. 135–145. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.

Зубаревич Н.В. (2020). Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (46). С. 158–167. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-8.

Зубаревич Н.В. (2021). Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // Региональные исследования. № 1 (71). С. 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4.

Коломак Е.А. (2019). Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. Т. 15, № 4. С. 85–106. https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106.

Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. (2018). Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. № 2 (98). С. 264–287. DOI: 10.15372/REG20180212.

Крюков В.А., Коломак Е.А. (2021). Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 227, № 1. С. 92–114. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114.

Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. (2017). Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. № 4 (96). С. 3–24. DOI: 10.15372/REG20170401.

Минакир П.А. (2016). Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. № 3. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2016.3.007-015.

Минакир П.А. (2018). «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. № 4. С. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020.

Михеева Н.Н. (1999). Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 91–102.

Нещадин А., Прилепин А. (2010). Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // Общество и экономика. № 12. С. 121–139.

Окрепилов В.В., Кузнецов С.В., Лачининский С.С. (2020). Приоритеты экономического развития регионов Северо-Запада в контексте стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. № 2 (179). С. 72–81.

Скуфьина Т.П., Баранов С.В., Самарина В.П. (2015). Эконометрическая оценка развития межрегиональной дифференциации в России и прогноз влияния ВТО на динамику процесса: монография. Апатиты: Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН.

Татаркин А.И. (2013). Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федеративного обустройства России // Экономика региона. № 4. С. 9–26.

Федорова Е.А., Черникова Л.И., Мусиенко С.О. (2019). Оценка эффективности регионального управления // Экономика региона. Т. 15, вып. 2. С. 350–362. DOI: 10.17059/2019-2-4.

Ahrend R. (2008). Can Russia sustain strong growth as a resource based economy? *CESifo Forum*, no. 9(2), pp. 3–8.

Barro R, Sala-i-Martin X. (1997). Technological diffusion, convergence, and growth. *Journal of Economic Growth*, vol. 2, pp. 1–26. https://doi.org/10.1023/A:1009746629269.

Berkowitz D., DeJong D.N. (2002). Accounting for growth in Post-Soviet Russia. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 32, no 2, pp. 221–239.

Berkowitz D., DeJong D.N. (2003). Policy reform and growth in post-soviet Russia. *European Economic Review*, vol. 47, no. 2, pp. 337–352.

Berkowitz D., DeJong D.N. (2005). Entrepreneurship and post-socialist growth. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, vol. 67, no 1, pp. 25–46. https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.2005.00108.x.

Berkowitz D., Jackson J.D. (2006). Entrepreneurship and the evolution of income distributions in Poland and Russia. *Journal of Comparative Economics*, vol. 34, no 2, pp. 338–356.

Borts G.H., Stein J.I. (1964). *Economic growth in a free market*. NY: Columbia University Press.

Carluer F., Sharipova E. (2004). The unbalanced dynamics of Russian regions: Towards a real divergence process. *East-West Journal of Economics and Business*, vol. 7, no 1, pp. 11–37.

Friedmann J. (1966). *Regional development policy: A case study of Venezuela*. Cambridge: MIT Press.

Hall R., Jones Ch. (1999). Why do some countries produce so much more output per worker than others? *Quarterly Journal of Economics*, vol. 114, no. 1, pp. 83–116.

Hirshman A. (1958). *The strategy in economic development*. New Haven: Yale University Press.

Isard W. (1999). Regional science: Parallels from physics and chemistry. *Papers in Regional Science*, vol. 78, no. 1, pp. 5–20.

Krugman P.R. (1991). *Geography and trade*. Cambridge: The MIT Press.

Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. (2018). Role of Siberia in Russia's spatial development and its positioning in the strategy for spatial development of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, vol. 8, no. 4, pp. 345–353.

Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, vol. XLV, no. 1, pp. 1–28.

Mankiw G., Romer D., Weil D.A. (1992). Contribution to the empirics of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 107, pp. 407–438.

Myrdal G. (1957). *Economic theory and underdeveloped regions*. London: G. Duckworth.

Siebert H. (1969). *Regional economic growth; Theory and policy*. Cambridge University Press.

Solow R.A. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 70, no. 1, pp. 65–94.

Swan T. (1956). Economic growth and capital accumulation. *Economic Record*, vol. 32, no. 2, pp. 334–361. https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x.

Williamson J.G. (1965). Regional development and the process of national development: A description of the patterns. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 13, pp. 1–84.

References

Akaev A.A., Ichkitidze Yu.R., Sarygulov A.I., Sokolov V.N. (2016). Postsotsialisticheskaya transformatsiya stran tsentral'noy i vostochnoy Evropy na rubezhe vekov. Regional'noe razvitie i ekonomicheskoe neravenstvo [The post-socialist transformation of Central and Eastern European countries at the turn of the century: Regional development and economic inequality]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, vol. 12, issue 3, pp. 613–626. DOI: 10.17059/2016-3-1.

Animitsa E.G., Vlasova N.Yu. (2021). Evolyutsiya razvitiya i issledovaniya Ekaterinburgskoy gorodskoy aglomeratsii [Evolution of development and research of the Ekaterinburg urban agglomeration]. In *Geourbanistika i gradostroitel'stvo: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya: sbornik statey* [Urban geography and urban planning: Theoretical and applied research. A collection of articles]. Moscow. Pp. 126–140.

Antonyuk V.S., Kozina M.V., Vansovich E.R., Sigatova N.A. (2021). Formirovanie i razvitie gorodskikh aglomeratsiy: teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniy [Formation and development of urban agglomerations: Theoretical and methodological aspects of research]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment» – Bulletin of South Ural State University, Series: Economics and Management*, vol. 15, no. 2, pp. 7–19. DOI: 10.14529/em210201.

Antonyuk V.S., Kornienko E.L., Vansovich E.R. (2020). Zakonomernosti prostranstvennogo razvitiya proizvoditel'nykh sil Rossiyskoy Federatsii v sovremennykh usloviyakh [The spatial development patterns of the Russian Federation productive forces in the current context]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – The Journal of Economic Theory*, vol. 17, no. 2, pp. 314–327. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.6.

Barkhatov V.I., Kapkaev Yu.Sh., Pletnev D.A. (2019). Tsentry i periferiya Urala i Povolzh'ya v usloviyakh «novoy normal'nosti» [The Ural and Volga regions' centers and periphery in the context of "new normality"]. *Socium i vlast'*, no. 5(79), pp. 65–82. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83.

Bents D.S. (2020). O sinkhronizatsii ekonomik Sverdlovskoy i Chelyabinskoy oblastey [On synchronization of the Sverdlovsk and Chelyabinsk region economies]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 11 (445). Ekonomicheskie nauki. Vyp. 71 – Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 11 (445). Economic Sciences. Iss. 71*, pp. 244–253. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11129.

Bents D.S. (2021). Otsenka sotsial'no-ekonomicheskogo immuniteta Chelyabinskoy oblasti [Assessment of socio-economic immunity of the Chelyabinsk region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. № 6 (452). Ekonomicheskie nauki. Vyp. 73 – Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 6 (452). Economic Sciences. Iss. 73*, pp. 122–131. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10614.

Gagarina G.Yu., Dzyuba E.I., Gubarev R.V., Fayzullin F.S. (2017). Prognozirovanie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya rossiyskikh regionov [Forecasting of socio-economic development of the Russian regions]. *Ekonomika regiona –Economy of Region*, vol. 13, no. 4, pp. 1080–1094. DOI: 10.17059/2017-4-9.

Granberg A.G. (2009). O programme fundamental'nykh issledovaniy prostranstvennogo razvitiya Rossii [On the program of fundamental research of spatial development of Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*, no. 2, pp. 166–178.

Granberg A.G. (2004). Ekonomicheskoe prostranstvo Rossii: vechnye problemy, transformatsionnye protsessy, poisk strategiy [The economic space of Russia: Eternal problems, transformation processes, the search for strategies]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii – Economic Revival of Russia*, no. 1, p. 17.

Danilova I.V., Rezepin A.V. (2021). Prostranstvennye ekonomicheskie sistemy: metodologiya i teoreticheskie podkhody k issledovaniyu [Spatial economic systems: Methodology and theoretical approaches to research]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava – Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, no. 7-1, pp. 24–32. DOI: 10.17513/vaael.1776.

Zubarevich N.V. (2017). Razvitie rossiyskogo prostranstva: bar'ery i vozmozhnosti regional'noy politiki [Development of the Russian space: Barriers and opportunities for regional policy]. *Mir novoy ekonomiki – The World of New Economy*, no. 2, pp. 46–57.

Zubarevich N.V. (2019). Strategiya prostranstvennogo razvitiya: prioritety i instrumenty [Spatial development strategy: Priorities and instruments]. *Voprosy Ekonomiki*, no. 1, pp. 135–145. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145.

Zubarevich N.V. (2020). Vozmozhnosti i ogranicheniya kolichestvennoy otsenki faktorov ekonomicheskogo razvitiya rossiyskikh regionov [Opportunities and limitations of quantitative assessment of factors of the Russian regions' economic development]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii – The Journal of the New Economic Association*, no. 2(46), pp. 158–167. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-8.

Zubarevich N.V. (2021). Vozmozhnosti detsentralizatsii v god pandemii: chto pokazyvaet byudzhetnyy analiz? [Possibility of decentralisation during the year of pandemic: What does the analysis of public budgets reveal?]. *Regional'nye issledovaniya – Regional Studies*, no. 1(71), pp. 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4.

Kolomak E.A. (2019). Prostranstvennoe razvitie Rossii v XXI v. [Spatial development of Russia in the 21st century]. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*, vol. 15, no. 4, pp. 85–106. DOI: https://dx.doi.org/10.14530/se.2019.4.085-106.

Kolomak E.A., Kryukov V.A., Mel'nikova L.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. (2018). Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii [Spatial development strategy of Russia: Expectation and reality]. *Region: ekonomika i sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*, no. 2(98), pp. 264–287. DOI: 10.15372/REG20180212.

Kryukov V.A., Kolomak E.A. (2021). Prostranstvennoe razvitie Rossii: osnovnye problemy i podkhody k ikh preodoleniyu [Spatial development of Russia: Main problems and approaches to the solution]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii – Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 227, no. 1, pp. 92–114. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114.

Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. (2017). Rol' Sibiri v prostranstvennom razvitii Rossii i ee pozitsionirovanie v strategii prostranstvennogo razvitiya RF [Siberia's role in the spatial development of Russia and its positioning in the Russian Federation spatial development strategy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*, no. 4(96), pp. 3–24. DOI: 10.15372/REG20170401.

Minakir P.A. (2016). Natsional'naya strategiya prostranstvennogo razvitiya: dobrosovestnye zabluzhdeniya ili namerennye uproshcheniya? [The national strategy of spatial development: Is it the conscientious delusion or deliberate simplification?]. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*, no. 3, pp. 7–15. DOI: 10.14530/se.2016.3.007-015.

Minakir P.A. (2018). «Strategiya prostranstvennogo razvitiya» v inter'ere kontseptsiy prostranstvennoy organizatsii ekonomiki [Spatial development strategy: A view from the concepts of spatial organization in the economy]. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*, no. 4, pp. 8–20. DOI: 10.14530/se.2018.4.008-020.

Mikheeva N.N. (1999). Analiz differentsiatsii sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya rossiyskikh regionov [Analysis of the differentiation of the socio-economic situation of Russian regions]. *Problemy prognozirovaniya – Problems of Forecasting*, no. 5, pp. 91–102.

Neshchadin A., Prilepin A. (2010). Gorodskie aglomeratsii kak instrument dinamichnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Urban agglomerations as a tool for dynamic socio-economic development of Russian regions]. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economy*, no. 12, pp. 121–139.

Okrepilov V.V., Kuznetsov S.V., Lachininskiy S.S. (2020). Prioritety ekonomicheskogo razvitiya regionov Severo-Zapada v kontekste strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii [Priorities of economic development of North-West regions in the context of the strategy of spatial development of Russia]. *Problemy prognozirovaniya – Problems of Forecasting*, no. 2(179), pp. 72–81.

Skuf'ina T.P., Baranov S.V., Samarina V.P. (2015). *Ekonometricheskaya otsenka razvitiya mezhregional'noy differentsiatsii v Rossii i prognoz vliyaniya VTO na dinamiku protsessa* [Econometric assessment of the development of interregional differentiation in Russia and the forecast of the impact of the WTO on the dynamics of the process]. Apatity: Institut ekonomicheskikh problem im. G.P. Luzina Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN.

Tatarkin A.I. (2013). Samorazvitie territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem kak potrebnost' federativnogo obustroystva Rossii [Self-development of regional socioeconomic systems as the need for Russia's federal development]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, no. 4, pp. 9–26.

Fedorova E.A., Chernikova L.I., Musienko S.O. (2019). Otsenka effektivnosti regional'nogo upravleniya [Assessment of the regional government's efficiency]. *Ekonomika regiona – Economy of Region*, vol. 15, issue 2, pp. 350–362. DOI: 10.17059/2019-2-4.

Ahrend R. (2008). Can Russia sustain strong growth as a resource based economy? *CESifo Forum*, no. 9(2), pp. 3–8.

Barro R, Sala-i-Martin X. (1997). Technological diffusion, convergence, and growth. *Journal of Economic Growth*, vol. 2, pp. 1–26. https://doi.org/10.1023/A:1009746629269.

Berkowitz D., DeJong D.N. (2002). Accounting for growth in Post-Soviet Russia. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 32, no 2, pp. 221–239.

Berkowitz D., DeJong D.N. (2003). Policy reform and growth in post-soviet Russia. *European Economic Review*, vol. 47, no. 2, pp. 337–352.
Berkowitz D., DeJong D.N. (2005). Entrepreneurship and post-socialist growth. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, vol. 67, no 1, pp. 25–46. https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.2005.00108.x.
Berkowitz D., Jackson J.D. (2006). Entrepreneurship and the evolution of income distributions in Poland and Russia. *Journal of Comparative Economics*, vol. 34, no 2, pp. 338–356.
Borts G.H., Stein J.I. (1964). *Economic growth in a free market*. NY: Columbia University Press.
Carluer F., Sharipova E. (2004). The unbalanced dynamics of Russian regions: Towards a real divergence process. *East-West Journal of Economics and Business*, vol. 7, no 1, pp. 11–37.
Friedmann J. (1966). *Regional development policy: A case study of Venezuela*. Cambridge: MIT Press.
Hall R., Jones Ch. (1999). Why do some countries produce so much more output per worker than others? *Quarterly Journal of Economics*, vol. 114, no. 1, pp. 83–116.
Hirshman A. (1958). *The strategy in economic development*. New Haven: Yale University Press.
Isard W. (1999). Regional science: Parallels from physics and chemistry. *Papers in Regional Science*, vol. 78, no. 1, pp. 5–20.
Krugman P.R. (1991). *Geography and trade*. Cambridge: The MIT Press.
Kuleshov V.V., Seliverstov V.E. (2018). Role of Siberia in Russia's spatial development and its positioning in the strategy for spatial development of the Russian Federation. *Regional Research of Russia*, vol. 8, no. 4, pp. 345–353.
Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, vol. XLV, no. 1, pp. 1–28.
Mankiw G., Romer D., Weil D.A. (1992). Contribution to the empirics of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 107, pp. 407–438.
Myrdal G. (1957). *Economic theory and underdeveloped regions*. London: G. Duckworth.
Siebert H. (1969). *Regional economic growth; Theory and policy*. Cambridge University Press.
Solow R.A. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 70, no. 1, pp. 65–94.
Swan T. (1956). Economic growth and capital accumulation. *Economic Record*, vol. 32, no. 2, pp. 334–361. https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.1956.tb00434.x.
Williamson J.G. (1965). Regional development and the process of national development: A description of the patterns. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 13, pp. 1–84.

Информация об авторе

Бенц Дарья Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков. **Челябинский государственный университет** (454001, РФ, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129). E-mail: benz@csu.ru.

Information about the author

Darya S. Bents

Cand. Sc. (Econ.), Professor of Industries and Markets Economics Dept. **Chelyabinsk State University** (129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russia). E-mail: benz@csu.ru.